

Аналитическая статья

УДК 34., 93/94; DOI: 10.61260/2074-1626-2023-4-14-22

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ В X–XI ВВ.

✉ **Часовникова Ольга Георгиевна;**

Болотин Данила Дмитриевич.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ **chasovnikova-og@mail.ru**

Аннотация. Показана роль правового обычая и княжеских законов в регулировании уголовно-правовых отношений на стадии зарождения российской государственности, проанализированы основные научные подходы к «Закону Русскому» как регулятору уголовно-процессуальных отношений и основы последующего писаного свода законов. Показано влияние церковных уставов X–XI вв. на дальнейшее развитие уголовного судопроизводства в Российском государстве, проанализированы статьи Русской Правды, содержащие элементы современного уголовного процесса. Авторы анализируют статьи Псковской судной грамоты, посвященные видам судов и судебных доказательств. Сделаны выводы о значении указанных нормативных правовых актов в истории уголовно-процессуального права Древней Руси, о том, что «Закон Русский» содержал нормы, регулировавшие уголовно-процессуальные отношения, и стал правовой основой при составлении Русской Правды. Русская Правда – ключевой источник уголовно-процессуального права Руси XI в. – была сформирована в результате систематизации правовых обычаев, норм «Закона Русского» и рецепции некоторых норм византийского и церковного права.

Ключевые слова: правовой обычай, уголовный процесс, источник права, «Закон Русский», Русская Правда, Псковская судная грамота

Для цитирования: Часовникова О.Г., Болотин Д.Д. Историко-правовой анализ источников уголовно-процессуального права Древней Руси в X–XI вв. // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 4 (61). С. 14–22. DOI: 10.61260/2074-1626-2023-4-14-22.

Analytical article

HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE SOURCES OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF ANCIENT RUSSIA IN THE X–XI CENTURIES

✉ **Chasovnikova Olga G.;**

Bolotin Danila D.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ **chasovnikova-og@mail.ru**

Abstract. The role of legal custom and princely laws in regulating criminal law relations at the stage of the emergence of Russian statehood is shown, the main scientific approaches to the «Russian Law» as a regulator of criminal procedural relations and the foundations of the subsequent written code of laws are analyzed. The influence of church statutes of the X–XI centuries on the further development of criminal justice in the Russian state is shown, articles of Russian Truth containing elements of modern criminal procedure are analyzed. The authors analyze the articles of the Pskov Court charter devoted to the types of courts and judicial evidence. Russian «Russian Law» has been concluded about the significance of these normative legal acts in the history of criminal procedure law of Ancient Russia, that the «Russian Law» contained norms regulating criminal procedural relations and became the legal basis for the compilation of the Russian Truth. Russian Truth, the key source of the criminal procedure law of Russia in the XI century, was formed as a result of the systematization of legal customs, the norms of the «Russian Law», and the reception of some norms of byzantine and ecclesiastical law.

Keywords: legal custom, criminal procedure, source of law, «Russian Law», Russian Truth, Pskov judicial charter

For citation: Chasovnikova O.G., Bolotin D.D. Historical and legal analysis of the sources of criminal procedure law of Ancient Russia in the X–XI centuries // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2023. № 4 (61). P. 14–22. DOI: 10.61260/2074-1626-2023-4-14-22.

Как известно, с точки зрения представителей исторической школы права (в частности, немецких юристов Г.Ф. Пухты и Ф.К. фон Савиньи), право как исторический феномен формируется под влиянием свойственного тому или иному народу правосознания и духа, причём ключевое значение отводится обычному праву как воплощению правовых коллективных взглядов народа, из которого оно и черпает свою силу, имея преимущество перед законом как актом частного волеизъявления, носящим отпечаток личных взглядов и убеждений законодателя [1]. Представители вышеуказанного учения отстаивали идею того, что право является результатом исторического развития того или иного общества, а потому индивидуально и складывается под влиянием многих объективных условий.

Несмотря на справедливую критику многих положений данной правовой теории, её заслуга заключается в акцентировании внимания на необходимости изучения исторической составляющей правовых систем и их отраслей, поскольку становление тех действительно происходило под влиянием многих исторически обусловленных социальных, экономических, политических и иных факторов.

Доказательством обозначенной точки зрения является правовая система Древней Руси в X–XV вв., в частности её уголовно-процессуальная отрасль, которая с историко-правовой точки зрения является уникальной, поскольку не имеет аналогов в исторической ретроспективе и формировалась под влиянием многих разнородных факторов, таких как:

1) значительное влияние многочисленных «законов предков», «преданий племён» и «обычаев», иными словами правовых обычаев, об основополагающем значении которых писали упомянутые ранее юристы;

2) существование двух автономных правовых полей, так называемых права «общинного» и «княжеского» права, вследствие отсутствия сильной централизованной власти и важной роли общинного самоуправления на начальном этапе формирования Древнерусского государства;

3) отсутствие как такового деления судебного процесса на уголовный и гражданский процессы, что обусловлено начальным этапом становления судебных функций, изначально общины, затем должностных лиц (князей, тиунов и др.);

4) влияние правовых норм иностранных государств, в частности, норм византийского права, а также некоторых юридических норм таких государств, как Швеция и Дания, что было обусловлено укреплением позиций Руси на международной арене и, как следствие, заключением международных договоров в X и XIII вв.;

5) определенное влияние норм церковного права (церковные уставы X–XII вв.), обусловленное принятием Русью христианства в 988 г. и последовавшим укреплением дипломатических связей с Византией;

б) фактическая раздробленность Древнерусского государства на множество княжеств, представлявших собой полноценные государственные образования, что создавало возможность их индивидуального политико-правового развития, примером чего являются Новгород и Псков, проводившие до XV–XVI вв. независимую от остальных русских княжеств политику и формировавшие свои собственные правовые системы на основе принимаемых «вечевых грамот» и заключаемых с иными городами и целыми государствами договоров.

Как отмечалось ранее, первыми источниками уголовно-процессуального права на Руси были так называемые «обычаи», обычное право, понимаемое как совокупность неписаных правил поведения, сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной, в данном случае, княжеской властью [2].

В связи с отсутствием каких-либо формализованных, систематизированных и кодифицированных нормативно-правовых актов на Руси вплоть до XI в. общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства регулировались многочисленными «мононормами», объединявшими в себе нормы морали, религии и права архаического этапа становления российской государственности [3].

Из известных сегодня правовых обычаев Древней Руси значительное распространение тогда получил обычай кровной мести, впоследствии получивший законодательное закрепление и предполагавший осуществление права на наказание самим потерпевшим [4].

Вскоре наравне с обычным правом основными регуляторами общественных отношений становятся нормы общинного права, под которыми кандидат исторических наук П.И. Костогрызлов понимает нормы, «определяющие взаимные отношения людей в общине», и общеобязательность которых обеспечивается общиной самостоятельно, без чьего-либо вмешательства [2].

Основополагающий характер общинных норм объясняется тем, что на раннем этапе становления Руси именно община (общинный суд) становится основным судебным органом, в юрисдикцию которого входили борьба с преступностью, розыск и преследование преступников. Княжеский суд выполнял роль суда высшей инстанции, к которой обращались лишь в случаях невозможности разрешить судебное дело при помощи норм обычного права, вследствие чего возникало два упоминаемых выше правовых пространства: общинное право и княжеское законодательство.

При этом нормы княжеского законодательства применялись лишь в случаях, когда нормы общинного права не справлялись с задачей поддержания общественного порядка, а сам князь не вмешивался в общинные дела, за исключением случаев «признания законности общинных средств доказывания» [5]. Другими словами, нормы княжеского права применялись лишь в поддержку действия норм общинного права, что указывает на приоритет обычного права, объясняемый фактическим отсутствием единого государства Русь в данный исторический период.

В доказательство высказанной точки зрения уместно привести мнение русского историка Н.А. Полевого, который считал, что единого Русского государства не существовало вплоть до второй половины XV в. [6]. Кроме того, по мнению А.И. Малиновского, первые княжеские законы (так называемые «уставы» и «уроки») не имели письменной формы, а содержались в памяти и привычках людей подобно нормам обычного права, что объясняет, почему до настоящего времени не сохранился ни один письменный закон до X в. [7].

По мере объединения славянских племён и формирования единой российской государственности происходит процесс унификации договоров, рядов и других источников права, в том числе правовых актов князей. Так, если при Олеге Вещем наряду с уставом 882 г. ещё действовали обычаи, то уже при Игоре Рюриковиче появились первые писаные «уставы», предусматривавшие денежное взыскание за посягательство на право собственности и нанесение увечий, что в значительной степени ограничивало упоминаемый ранее обычай кровной мести, заменяя его в определённых случаях денежной компенсацией [8]. Аналогичный устав был принят во время правления княгини Ольги в 947 г.

Следующим этапом развития уголовно-процессуального права в Российском государстве стало принятие источника, известного из русско-византийских договоров X в. и до сих пор являющегося предметом споров среди юристов и историков – «Закона Русского».

Среди учёных нет единого мнения о том, существовал ли данный источник права в письменном виде или же он, аналогично ранним «уставам» русских князей, применялся лишь по памяти и состоял из разрозненных правовых норм, содержащихся в русско-византийских договорах [9].

Например, М.А. Исаев считает, что под вышеуказанным источником права следует понимать всю «совокупность обычного права, которого придерживались все восточнославянские племена» [10].

Иной точки зрения придерживается В.И. Петров, который под «Законом Русским» подразумевает единый свод законов, упоминаемый в договоре с Византией 907 г. и названный «гарантией соблюдения самого договора» [11]. Петров акцентирует внимание на том, что «Закон» был признан источником права не только на Руси, но и в Византии, как нормативно-правовой акт, соответствующий международным стандартам, что, по мнению учёного, свидетельствует о его письменной форме.

Данную точку зрения подтверждает позиция русского историка Н.М. Карамзина, который допускал существование у славян в IX–X вв. письменного закона [12]. Схожую точку зрения разделяет другой русский историк В.О. Ключевский, подразумевавший под

«Законом Русским» не правовой обычай восточных славян, а «право городской Руси», сформировавшееся в IX–XI вв. из разнородных элементов и послужившее основным источником права при составлении Русской Правды [13].

Тем не менее не подвергается сомнению тот факт, что данный источник права является древнейшим сводом законов, по которому не только удельные князья, но и сам великий князь киевский вершили правосудие вплоть до XI в.

Русский историк М.Б. Свердлов указывает на то, что при изучении сохранившихся текстов Русской Правды учёными было установлено явное совпадение некоторых норм Правды Ярослава (Древнейшей Правды) и «Закона Русского» [14]. Учитывая вышеназванную позицию В.О. Ключевского, предполагавшего непосредственное использование норм «Закона Русского» при составлении Русской Правды, можно сделать вывод о том, что основой Древнейшей Правды послужил «Закон Русский», а именно его 17 норм, 13 из которых можно отнести к нормам уголовно-материального права [15].

Основное внимание в «Законе Русском» уделялось уголовно наказуемым деяниям. Так, данный свод впервые разграничил преступления на две основные категории: против жизни и здоровья и против собственности. Наглядным примером такого разграничения является русско-византийский договор 911 г., предусматривавший денежный штраф за преступление против личности: «аще ои оударит мечем ... да вдаст литръ 5 по закону Русскому» [16]. На данную норму русские князья ссылались преимущественно при определении наказаний за имущественные и уголовные преступления.

Помимо того, были предусмотрены штрафные санкции за такие деяния, как использование без спроса чужой лошади («аще кто поедетъ на чюжем коне, не прошав его, то положите 3 гривне»), бегство от господина челяди («аще ли челядин съкрыется ... то изымати ему: свои челядин, а 3 гривне») и иные преступления, связанные с нанесением ущерба здоровью или имуществу.

Ранее было упомянуто влияние норм церковного права на становление и развитие как всего русского права, так и его уголовно-процессуальной отрасли. Данная позиция обосновывается тем, что церковные уставы наряду с княжескими законами и нормами общинного права являлись источниками процессуального права, что доказано посредством анализа текстов церковных уставов, сохранившихся до настоящего времени, среди которых наиболее примечательны Устав о десятинах и церковных судах князя Владимира и Устав о церковных судах князя Ярослава.

Устав о десятинах и церковных судах, также известный как церковный устав Владимира, принятый князем Владимиром Святославичем в конце X в., не только разграничил подведомственность дел между церковными и светскими судами, но и урегулировал вопросы подсудности тех или иных лиц.

Так, в соответствии с Уставом, к ведению церковного суда были отнесены преступления против веры, церковного имущества, священнослужителей, а также преступления против нравственности.

К подсудным же лицам были отнесены священнослужители, паломники, отпущенные на волю по духовной, рабы, получающие содержание от церкви вдовы, увечные, «вси причетници церковнии» и др. [17].

Устав о церковных судах князя Ярослава, также известный как церковный устав Ярослава, характеризуется значительной упорядоченностью норм процессуального права.

В частности, Устав разграничивает преступления на «церковно-гражданские», то есть подлежащие совместному рассмотрению представителями светской и церковной властей, и исключительно церковные, относящиеся в большей степени к уголовной отрасли права.

Так, к преступлениям, подлежащим церковному суду, относились изнасилование и похищение девицы («аще кто умчить девку или насилить...») и прелюбодеяние, которое объединяло такие деяния как супружеская измена («аже муж от жены блядеть...»), добрачные сексуальные контакты, кровосмешительство, многожёнство («аще кто иметь две жены водити...») и многожество и т.п.

Также, помимо прелюбодеяний, церковный суд рассматривал такие преступления, как сложение иноческого сана, пьянство священников и монахов («аще поп, или чернец, или черница упиеться без времени...») [18].

Переломным этапом в истории становления и развития уголовно-процессуального права Древней Руси стало принятие в XI в. первого письменного свода законов Руси – Русской Правды, три редакции (сборника) которого были составлены в XI–XIII вв. В 1113 г. в состав Пространной редакции был включён свод законов Владимира Монаха, известный как Устав Владимира Всеволодовича, включавший в себя 69 статей.

Данные сборники стали своего рода результатом систематизации упомянутых ранее норм обычного права (в том числе общинного права), княжеских уставов, «Закона Русского» и отчасти источников византийского права.

Насчёт признания факта рецепции русскими законодателями норм римско-византийского права, в том числе норм церковно-правовых законов Византии при составлении редакций Русской Правды, в научной среде отсутствует единое мнение.

Так, уже неоднократно упоминаемый В.О. Ключевский считает, что Русская Правда есть не что иное, как дополнительная юридическая «статья к своду церковных законов», то есть к церковному уставу Ярослава, содержание которого было раскрыто выше. Как отмечает В.О. Ключевский, «Русская Правда жила и действовала в церковно-юридическом обществе: ее встречаем среди юридических памятников церковного или византийского происхождения, принесённых на Русь духовенством и имевших практическое значение в церковных судах» [19].

Иной точки зрения придерживается Г.М. Барац, по мнению которого Русская Правда представляет собой «свод составленных частными лицами» сборников юридических норм и правовых обычаев. Не придавая большого значения влиянию норм церковного права Византии, Барац акцентирует внимание на заимствовании норм русско-византийских договоров 911 г. и 944 г., впоследствии вошедших в «Закон Русский» и нашедших отражение уже в Русской Правде [20].

По мнению авторов, учитывая почти трёхсотлетнее активное экономическое, политическое и культурное взаимодействие восточных славян с Византийской империей, можно предположить проникновение отдельных норм византийского светского и религиозного права в правовые источники Древней Руси, возможно и не настолько масштабное, как описывал Ключевский. Позиция авторов во многом подтверждается положениями упоминаемой в начале работы исторической теории права, касающимися, в частности, вопросов влияния экономических, политических, культурных и иных факторов на становление правовых систем народов.

С уголовно-процессуальной точки зрения Русская Правда представляет большой интерес, поскольку значительная часть учёных связывает возникновение уголовного процесса и составлявших его элементов на Руси именно с принятием первого письменного свода законов.

В частности, М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает наличие в тексте Русской Правды такой составляющей уголовного процесса, как мера процессуального принуждения [21]. В качестве примера можно привести ст. 38 Краткой редакции, в соответствии с которой в случае обнаружение вора на своем дворе, если хозяин продержит его до рассвета, то следует «вести его на княжеский двор», что прямо указывает на наличие в тексте Русской Правды такой меры уголовно-процессуального принуждения, как задержание [22].

Кроме того, в ст. 13 Краткой редакции упоминается такая мера пресечения, как поручительство (порука): «...если тот не пойдет, то пусть (представит) поручителя в течение 5 дней» [23]. Стоит отметить, что порука была довольно распространённой мерой пресечения на Руси ещё в архаичный период, что было связано как с основополагающей ролью общинного самоуправления, о которой упоминалось ранее, так и с отсутствием фактической необходимости в изолировании виновного от общества.

Так, община не только участвовала в отправлении суда и исполнении наказания, но и сама отвечала за преступление виновного. Об этом пишет Н.Д. Ратникова, по мнению которой, «община отвечала за виновного, и обиженный род имел дело не только с обидчиком, но с его родом и его поручительством» [24]. В процессе же объединения племён и постепенной централизации власти порука не только не исчезла, но напротив, была признана и закреплена государственной властью.

При анализе текста Пространной Правды можно найти нормы, доказывающие использование упомянутых ранее источников при составлении текста данного свода законов. Так, в ст. 1 прописаны условия применения такого правового обычая, как кровная месть: «если убьет муж мужа, то мстить брату за брата или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата...». Помимо того, ст. 33 предусматривает денежный штраф за использование без спроса чужого коня («если кто сядет на чужого коня без спросу, то 3 гривны»), что является прямой отсылкой к «Закону Русскому» [25]. Таким образом, видно подтверждение научному тезису об основополагающем значении правовых обычаев и «Закона Русского» в формировании Русской Правды.

Ранее авторами была высказана мысль о том, что раздробленный характер Российского государства на протяжении длительного периода времени (по одному из мнений – вплоть до второй половины XV в.) создавал возможности индивидуального политико-правового развития для многих княжеств в первую очередь для Новгорода и Пскова, формы правления в которых многие историки определяют как «феодалные» или «боярские» республики. Ключевыми же правовыми памятниками данных государственных образований являются общеизвестные Псковская и Новгородская судные грамоты.

Несмотря на то, что данные нормативно-правовые акты относятся ко второй половине XV в., авторы относят их к так называемому удельно-вечевому периоду России, а не к периоду Московского государства, разделяя тем самым позицию доктора юридических наук Н.В. Стус, которая указывает на то, что общественные отношения, закреплённые в вышеуказанных судных грамотах, де-факто действовали на территориях Новгорода и Пскова ещё с XII в. [26].

С уголовной и уголовно-процессуальной точек зрения, наибольший интерес представляет именно Псковская судная грамота (ПСГ), поскольку Новгородская судная грамота регулировала в большей степени гражданские и связанные с ней гражданско-процессуальные отношения [27].

В качестве отличительной особенности ПСГ можно выделить наличие более упорядоченной, по сравнению с нормами Русской Правды, системы судебных доказательств, при этом несомненным приоритетом пользовались письменные доказательства, среди которых можно выделить «доску» (частную расписку) и «запись» – официальный документ с конкретным местом хранения его копии [28].

К иным доказательствам, закреплённым в статьях ПСГ, относились:

- 1) судебный поединок или так называемое «поле» (ст. 37), в случае если «суд приговорит тяжущихся к поединку» [29];
- 2) свидетельские показания (ст.ст. 9, 27);
- 3) вольная и судная присяга (ст.ст. 34, 35);
- 4) результаты обыска (ст. 57).

Помимо этого, значительная часть ПСГ была посвящена вопросам судоустройства, что позволяет говорить о наличии целой выстроенной классификации судов в зависимости от характера рассматриваемых дел, среди которых можно выделить:

- 1) Суд Господ, то есть совместный суд князя, посадников и сотских (ст.ст. 9, 10, 12);
- 2) Суд выборных псковских судей, рассматривавший гражданские дела;
- 3) Церковный суд, рассматривавший, преимущественно, преступления против нравственности (ст.ст. 2, 109), что позволяет провести аналогию с судами, предусмотренными церковным уставом Ярослава Мудрого, с той лишь разницей, что при церковном суде в Пскове всегда находились два избираемых горожанами пристава;
- 4) Суд братчины или же общинный суд, обладавший широкой подсудностью (им рассматривались даже дела по татьбе и убийствам, судопроизводство в нём осуществлялось на основе существовавших в общине обычаев).

Основываясь на вышесказанном, можно сделать три ключевых вывода:

1. «Закон Русский», не являясь сводом законов в современном понимании, тем не менее, содержал нормы, регулировавшие уголовно-процессуальные отношения, и выступил правовой основой при составлении Русской Правды.

2. Русская Правда стала ключевым источником уголовно-процессуального права Руси XI в., сформированная в результате систематизации правовых обычаев, норм «Закона Русского», а также рецепции некоторых норм византийского права и церковного права.

3. ПСГ содержала более структурированную систему доказательств, по сравнению с Русской Правдой, и была достаточно прогрессивной, поскольку нормы, содержащиеся в ней, как и в Новгородской судной грамоте, четко подразделялись на уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные.

Список источников

1. Чернявский А.Г. Историческая школа и естественное право // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1 (62). С. 51–59.
2. Костокрызов П.И. Общинное право // Антиномии. 2019. Т. 19. № 2. С. 67–86.
3. Муромцев Г.И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 93–96.
4. Георгиевский Э.В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 10–12.
5. Терехин В.В. Древнерусский уголовный процесс (источники, принципы, доказательства и условия их допустимости) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 47–51.
6. Полевой Н.А. История русского народа. М.: Типография Августа Семена при императорской медико-хирургической академии, 1829. Т. VI. С. 9.
7. Малиновский И.А. Древности русского права: курс, читанный проф. И.А. Малиновским в 1918/19 академическом году в Донском археологическом институте. Ростов н/Д., 1919. С. 6.
8. Хакимова Л.Р. Законодательные источники, регламентировавшие назначение наказаний, ограничивающих свободу преступника в обычном праве восточных славян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 38. С. 15–20.
9. Агаев Г.А., Сафонов В.Н., Зорина Е.А. Ретроспективный анализ законодательного становления института допроса в России (досоветский этап) // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 1. С. 146–150.
10. Исаев М.А. История российского государства и права: учеб. М.: Статут, 2012. 838 с.
11. Петров И.В. Государство и право древней Руси. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2003. С. 221.
12. Карамзин Н.М. «История государства Российского». Изд-во «Азбука», 2020. 832 с.
13. Ключевский В.О. О Русской Правде. URL: <http://rushist.com/index.php/ilovajskij-1/1191-russkaya-pravda#c1> (дата обращения: 03.12.2023).
14. Сверлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юрид. лит., 1988. С. 6.
15. Георгиевский Э.В. К вопросу о законе Русском и его уголовно-материальных установлениях // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 55–57.
16. Петров В.И. Социально-политическая и финансовая активность на территории Древней Руси: VIII-X вв.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2006. С. 350–353.
17. Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных // История государственно-конфессиональных отношений в России: XX – начало XXI в. Вып. 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/1 (дата обращения: 03.12.2023).
18. Устав князя Ярослава о церковных судах (пространная редакция) // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М., 1984. С. 139–140. URL: <https://информа.рус/ярослав-мудрый/внутренняя-политика/церковный-устав/оригинал-текста/> (дата обращения: 03.12.2023).
19. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах: монография. М.: Мысль, 1987. С. 217.
20. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, пер., коммент. и сравнение с др. правовыми памятниками, в частности – с Русскою Правдою. Киев, 1910. С. 196.

21. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 119–122.
22. Русская Правда (Краткая редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-kratкая/russkaya-pravda-kratкая-original.htm> (дата обращения: 03.12.2023).
23. Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 75–86.
24. Ратникова Н.Д. Развитие мер пресечения, применяемых к обвиняемым в совершении преступлений в древнерусском государстве // Территория науки. 2013. № 6. С. 164–168.
25. Голоса времени: от истоков до монгольского нашествия: сб. М.: АСТ, Жанры, 2015. С. 120–123.
26. Стус Н.В. Становление системы источников русского уголовно-судебного права X–XIX вв. // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). Вып. 30. С. 130–133.
27. Сафронова Ю.Г., Смирнова А.А. К истории становления юридической ответственности в области пожарной безопасности в России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2019. № 1 (42). С. 29–35.
28. Псковская судная грамота. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 03.12.2023).
29. Дьячкова А.И. Суд и судебный процесс по псковской судной грамоте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. С. 1–7.

References

1. Chernyavskij A.G. Istoricheskaya shkola i estestvennoe pravo // Vestnik Akademii prava i upravleniya, 2021. № 1 (62). S. 51–59.
2. Kostogryzov P.I. Obshchinnoe pravo // Antinomii. 2019. Т. 19. № 2. S. 67–86.
3. Muromcev G.I. Mononorma kak stadiya stanovleniya prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 3. S. 93–96.
4. Georgievskij E.V. Formirovanie i razvitie obshchih polozhenij drevnerusskogo ugovolnogo prava: monografiya. М.: YUritinform, 2013. S. 10–12.
5. Terekhin V.V. Drevnerusskij ugovolnyj process (istochniki, principy, dokazatel'stva i usloviya ih dopustimosti) // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 21. S. 47–51.
6. Polevoj N.A. Istoriya russkogo naroda. М.: Типографиya Avgusta Semena pri imperatorskoj mediko-hirurgicheskoy akademii, 1829. Т. VI. С. 9.
7. Malinovskij I.A. Drevnosti russkogo prava: kurs, chitannyj prof. I.A. Malinovskim v 1918/19 akademicheskom godu v Donskom arheologicheskom institute. Rostov n/D., 1919. S. 6.
8. Hakimova L.R. Zakonodatel'nye istochniki, reglamentirovavshie naznachenie nakazanij, ogranichivayushchih svobodu prestupnika v obychnom prave vostochnyh slavyan // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 38. С. 15–20.
9. Agaev G.A., Safonov V.N., Zorina E.A. Retrospektivnyj analiz zakonodatel'nogo stanovleniya instituta doprosa v Rossii (dosovetskij etap) // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 1. S. 146–150.
10. Isaev M.A. Istoriya rossijskogo gosudarstva i prava: ucheb. М.: Statut, 2012. 838 s.
11. Petrov I.V. Gosudarstvo i pravo drevnej Rusi. SPb.: Izd-vo V.A. Mihajlova, 2003. S. 221.
12. Karamzin N.M. «Istoriya gosudarstva Rossijskogo». Izd-vo «Azбуka», 2020. 832 s.
13. Klyuchevskij V.O. O Russkoj Pravde. URL: <http://rushist.com/index.php/ilovajskij-1/1191-russkaya-pravda#c1> (data obrashcheniya: 03.12.2023).
14. Sverlov M.B. Ot Zakona Russkogo k Russkoj Pravde. М.: Yurid. lit., 1988. S. 6.
15. Georgievskij E.V. K voprosu o zakone Russkom i ego ugovolno-material'nyh ustanovleniyah // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2004. № 4. S. 55–57.
16. Petrov V.I. Social'no-politicheskaya i finansovaya aktivnost' na territorii Drevnej Rusi: VIII-X vv.: avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2006. S. 350–353.

17. Ustav knyazyaya Vladimira Svyatoslavicha o desyatynah, sudah i lyudyah cerkovnyh // Istoriya gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Rossii: XX – nachalo XXI v. Vyp. 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/istorija-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnoshenij-v-rossii-20-nachalo-21-veka-vypusk-1/1 (data obrashcheniya: 03.12.2023).
18. Ustav knyazyaya Yaroslava o cerkovnyh sudah (prostrannaya redakciya) // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 1. M., 1984. S. 139–140. URL: <https://informa.rus/yaroslav-mudryj/vnutrennyaya-politika/cerkovnyj-ustav/original-teksta/> (data obrashcheniya: 03.12.2023).
19. Klyuchevskij V.O. Sochineniya v devyati tomah: monografiya. M.: Mysl', 1987. S. 217.
20. Barac G.M. Kritiko-sravnitel'nyj analiz dogovorov Rusi s Vizantiej: Vosstanovlenie teksta, per., komment. i sravnenie s dr. pravovymi pamyatnikami, v chastnosti – s Russkoyu Pravdoyu. Kiev, 1910. S. 196.
21. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego», 2005. S. 119–122.
22. Russkaya Pravda (Kratkaya redakciya). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-kratkaya/russkaya-pravda-kratkaya-original.htm> (data obrashcheniya: 03.12.2023).
23. Tihomirov M.N. Posobie po izucheniyu Russkoj Pravdy. M., 1953. S. 75–86.
24. Ratnikova N.D. Razvitie mer presecheniya, primenyaemyh k obvinyaemym v sovershenii prestuplenij v drevnerusskom gosudarstve // Territoriya nauki. 2013. № 6. S. 164–168.
25. Golosa vremeni: ot istokov do mongol'skogo nashestviya: sb. M.: AST, Zhanry, 2015. S. 120–123.
26. Stus N.V. Stanovlenie sistemy istochnikov russkogo ugolovno-sudebnogo prava X–XIX vv. // Nauchnye vedomosti. Ser.: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2014. № 22 (193). Vyp. 30. S. 130–133.
27. Safronova Yu.G., Smirnova A.A. K istorii stanovleniya yuridicheskoy otvetstvennosti v oblasti pozharnoj bezopasnosti v Rossii // Pravo. Bezopasnost'. CHrezvychajnye situacii. 2019. № 1 (42). S. 29–35.
28. Pskovskaya sudnaya gramota. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (data obrashcheniya: 03.12.2023).
29. D'yachkova A.I. Sud i sudebnyj process po pskovskoj sudnoj gramote // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2011. S. 1–7.

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 19.05.2023

Принята к публикации: 11.12.2023

The information about article:

Article was received by the editorial office: 19.05.2023

Accepted for publication: 11.12.2023

Информация об авторах:

Часовникова Ольга Георгиевна, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат юридических наук, e-mail: chasovnikova-og@mail.ru, SPIN-код: 5968-2465

Болотин Данила Дмитриевич, обучающийся Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), e-mail: bold.2021@yandex.ru, SPIN-код: 7479-3317

Information about the authors:

Chasovnikova Olga G., associate professor of the department of labor law of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of law, e-mail: chasovnikova-og@mail.ru, SPIN: 5968-2465

Bolotin Danila D., student of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), e-mail: bold.2021@yandex.ru, SPIN: 7479-3317